

8 июля 1981г

Навстречу Всесоюзному некрасовскому празднику поэзии

Анатолий Тарасов Повесть
ВСЕГО ОДНО ЛЕТО

НА ПЯТЫЙ ДЕНЬ, часов в девять утра, Федор принес телеграмму от сестры: приедут с Ераковым через два дня.

Некрасов всю ночь писал и только к рассвету забылся на диване возле камина. Решили передать ему телеграмму, когда проснется.

Он вышел из гостиной в середине дня. Освежился холодной водой, позавтракал, велел передать Федору, чтобы встречал гостей, и снова ушел работать.

Дело приближалось к концу. Позади приезд декабриста, радости встречи, первые вопросы внука к самому деду; позади первые походы их на Волгу и рассказы деду о старом времени; позади сопоставление страшного прошлого с печальным настоящим.

Он долго примеривался к разговору декабриста о жизни поселенцев на Тарбагатае, искал объяснение их счастливой жизни, приемлемое для цензуры и понятное для проницательного читателя. Однако сначала так и не решился писать об этом — не погубить бы всю поэму. Кончив первый вариант и перечитав его, почувствовал, что без Тарбагатае поэма много теряет — и снова вернулся к раздумьям об этом.

Подчеркнув (для цензора), что разговор идет о событиях до крестьянской реформы:

Скоро дадут им свободу... он незаметно перешел к исконным требованиям крестьян вообще, отразившимся в названии партии народолюбцев — «Земля и воля».

Горсточку русских сослал в страшную глушь за

раскол, Волю и землю им дали;

Год незаметно прошел...

Написав (с перестановкой) эти два слова рядом, он испугался, что цензор уцепится за них, и долго искал другие варианты, но так и не нашел равнозначного. Махнув рукой — будь что будет! — оставил как было.

...Поздно вечером, когда все уже спали, он запросил есть. Подал обед и ужин сразу, Зина сказала, что приехали Анна Алексеевна и Ераков, заходила к нему, но она не пустила их.

Хмыкнув про себя, он с интересом и явным одобрением глянул на нее и погрузился в свои размышления. В конце ужина вспомнил о гостях и решил лечь спать, чтобы утром повидаться с ними, а потом снова работать.

Измотанный писаньем по ночам, проснулся часов в десять. Мысленно обругав себя лежбежкой, накиннул халат и хотел сразу же идти в гостиную, но Зина напомнила о гостях, и он, насулившись, стал одеваться для встречи.

Гостей застали у Федора за столом. Выпив пару бокалов за приезд и наскоро переговорив с ними, Некрасов вернулся к себе. Однако ритм был нарушен и настроиться сразу не удалось. Чтобы не пропадало время, принялся сводить наброски в единый текст, поправляя по ходу отдельные места. Увлеченный и не заметив, как подошел вечер. После ужина зажег свечи и снова закрылся в гостиной. К рассвету дописал последние строки и с удовлетворением заснул.

ФЕДОР ПРИШЕЛ для разговора и задержался.

[Окончание.

Начало в номерах за 2, 3, 4, 5, 7 июля.]

ся в кабинете. Зина, все еще смущавшаяся его, чтобы не мешать братьям, ушла на балкон. Поговорив с Николаем, Федор отправился к себе и внизу в прихожей встретился с Анной.

— Слушай, Аня, кого он привез? Все нянчится с ней!

— Не обращай внимания. Простая баба, в Петербурге подобрал.

Некрасов, проводив брата до лестницы, зашел в гардеробную, взял носовой платок и, возвращаясь к себе в столовую, случайно услышал этот разговор. Он повернул на лестницу и пошел вниз. Анна

дили мысли о заводе; он прогонял их, снова вслушиваясь в голос брата, но завод снова всплывал в памяти. Так и мешались стихи с заводом в его сознании все время.

Анна внимательно подмечала для себя отдельные выражения и рифмы, понравившиеся ей. Она любила брата, но считала себя среди присутствующих единственной достойной ценительницей его поэзии.

Зина слушала завороченную. Ей казалось, что это с ней, а не с Сашей говорит старый декабрист о страданиях народа, о жестокостях помещиков. И сразу вспомнил-

стоны. Прислуга начала расставлять закуски. Счастливая Зина распоряжалась и помогала. Мужчины пошли на балкон покурить.

Анна Алексеевна, собрав рукописи, торжественно отнесла их в кабинет и не знала, что делать дальше — то ли присоединиться к мужчинам, то ли остаться с женщинами. Поколебавшись, она села за рояль и попробовала что-то сыграть, но вскоре поднялась и раздраженно опустила крышку рояля. Рояль ответил ей глухим ворчаньем.

ДВА ДНЯ пролетели в хлопотах и сборах.

Приехал провожать Константин из Ярославля. Подкатили к большому дому три тройки. Никанор со своими пожитками устроился рядом с Силантием. Возле второй тройки Ераков рассказывал Константину и Федору различные новости. Попрошась с гостями вышла в окружении четырех ребятишек София Ивановна. Пятого — малютку няня несла следом. Анна Алексеевна и Зина устремились к ним.

Некрасов обошел все комнаты флигеля. Зашел в кабинет, взял из секретера рукописи. Подержал и взвесил их на руке. «И это итог всего лета! — со смутной тревогой подумал он. — А впрочем, так ли это мало?»

Он открыл для себя и читающей России новый пласт, еще никем не возделанный в поэзии. Как-то его примут? Поимут ли? Стоит ли продолжать? Пробьется ли через цензуру?

Вспомнил Якушкина, его сомнения и пожелания. Вспомнил шумные выкрики Еракова и молчаливую радость в глазах Зины. Но ведь это не все. Он еще не видел ее напечатанной. И чувство неуверенности холодком прошло по душе. Что-то сделал не так. Но что? Как было нужно? — и он зашагал по гостиной.

Вспомнил доброе письмо Салтыкова с привычной ему прямотой, вспомнил разговор о нем с Якушкиным — «Нет, все верно! Вместе пробьемся! Будем бороться!»

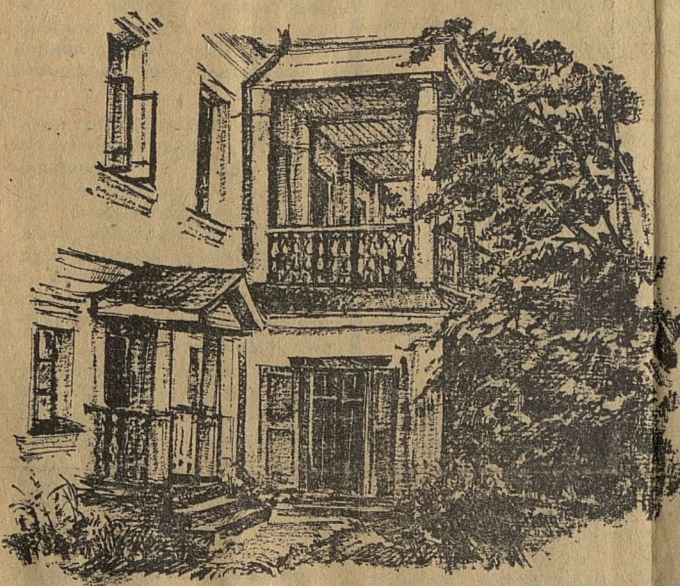
Он открыл дверь и вышел на балкон. Солнца не было видно. Горизонт смутно проглядывался за легким, еще не рассеявшимся с утра туманом. Невысокие яркие краски парка поблекли. На березах и кленах кое-где проступала первая седины. Птицы затаились...

Природа молча, с легкой грустью прощалась с ним.

Он еще раз обвел взглядом горизонт, парк, лужайку перед домом, перевел глаза на балкон и увидел на качалке забытый Зиной платок.

«Простая баба. Не обращай внимания», — услышал он снова слова Анны Федоровны. «И за нее придется бороться», — подумал он.

В кабинете мерно, удар за ударом, десять раз пробили часы. И он встрепенулся. Ему снова послышался за ними печальный перезвон колоколов, прозвучавший в первую ночь: Россия напоминала о себе, торопила его. И он поспешил к выходу...

Здесь жил Н. А. Некрасов.

Рис. А. Лебедева.

и Федор смущенно переглянулись и замолчали.

— Хорошо, что вы оба здесь. Я шел к вам, чтобы пригласить на чтение. Кончил «Дедушку». Приходите через час. И Еракова приводите, — и снова вернулся к себе.

Переглянувшись, Анна и Федор вышли на крыльцо.

— Ты как думаешь, он слышал? — спросил Федор.

— Не думаю, да и не придавай значения. Я знаю его: если бы ему не понравилось, он бы сказал. Пойду предупредить Еракова, пока не завалился спать, а то потом и не добудешься.

Через час появились гости. Грузный Ераков, оглядев гостиную, плюхнулся в кресло перед камином. Пружины так и звякнули под его тушей. Федор устроился поблизости на диване. Некрасов взял рукописи с конторки, положил их на стол и сел в кресло. Анна уверенно расположилась рядом на диване. Зина скромненько пристроилась на втором кресле у стола.

Некрасов читал глухо, чуть подчеркивая рифмы, но не напрягаясь. Временами он вставал, брал рукопись в руки и, двигаясь по залу, продолжал чтение, затем снова садился за стол.

Ераков тихо посапывал трубкой, иногда надолго замирал, и было не ясно, бодрствует он или спит. Федор пытался сосредоточиться и понять стихи, но скоро в голову прихо-

ся отец Некрасова, рассказы о нем Николая Алексеевича. Вспомнился голос его тогда — глуховатый, страстный — такой же, как сейчас. А временами в речи декабриста она слышала то дедушку Мазая, то своего отца-солдата и дивилась, как это получается — сразу три человека говорят с ней. Рассуждая сама с собой, она не заметила, как он кончил.

— Поздравляю! Браво! — кричал Ераков. Федор вторил ему. Анна Алексеевна благодарно смотрела на брата, с достоинством слушала поздравления ему, как будто это и ее поздравляли.

— Спасибо, — как-то смущенно, со скрытым недовольством ответил Некрасов, еще сам не понимая, чем недоволен: то ли самой поэмой, то ли показным шумным приемом ее. А потом, взглянув на блестевшие в восторге глаза Зины, неотрывно смотревшей на него, он успокоился и повеселел.

— Тебя, Аннушка, прошу как всегда переписать рукопись, — произнес он с какой-то заминкой. — А тебе, Зина, я вижу поэма понравилась. Ты помогала мне писать. Вот тебе я ее и посвящаю. Видишь, пишу — «Зино-чке», — и посмотрел на сестру.

Анна вспыхнула и принялась перебирать на столе листы рукописи.

Из столовой и большого дома принесли накрытые

нова, других городов страны, фольклорный праздник.

С 19 часов — народное гулянье на Волжской набережной, концерт симфонического оркестра, артистов филармонии.

Добро пожаловать, дорогие товарищи, на праздник поэзии!

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

В субботу, 11 июля, в 11 часов открывается Всесоюзный некрасовский праздник поэзии в Карабихе. В его программе — стихи Н. А. Некрасова, выступления писателей Москвы, Ленинграда, Киева, Ярославля, Ташкента, Черкасс, Чебоксар, Ива-